

АГАМАЛИ КУЛАМОВИЧ МАМЕДОВ*
Московский Государственный Университет
имени М.В.Ломоносова
Социологический факультет

УДК 316.42:001
Прегледни рад
Примљен: 22.05.2012
Одобен: 14.06.2012

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА ЗНАНИЯ

Аннотация: Статья посвящена основным трендам становления нового общества – общества знания. Романтизм 70-80-х гг. по отношению к обществу знания, его возможностям и перспективам поневоле сменяется осознанием социальных изменений, противоречий и опасностей нового общества. Гипертрофированное выделение лишь одной формы общественного сознания, а именно науки, в ущерб иным, в частности морали, религии, культуры и т.д., приведет к серьезным социальным катаклизмам, причем иного, более сложного характера.

Ключевые слова: знания, кризис, постиндустриальная цивилизация, социальные тренды, интеллектуальный работник

Наверное, никогда пресловутая протагоровская моральная установка «Человек – мера всех вещей» не была так близка низвержению с Олимпа иерархических ценностей, как в последние годы, когда казалось, что новая эпоха панэпистемизма и социального сциентизма окончательно пристегнет ход истории к «научному локомотиву». Наверное, небезосновательно. Достаточно длинный временной лаг безкризисного и линейного развития, тотальная доминанта атлантических ценностей, становление нового креативного класса менеджеров, экспертов, рационализация быта, конец биполярной конфигурации мира и несомненные успехи точных наук породили реставрацию позитивист-

* akmnauka@rambler.ru

ских, по сути, установок в духе А. Сен-Симона, О. Конта и Дж.С. Милля. «Новая» всеобъемлющая научная парадигма, как всегда «единственно верная», не только продолжила и перенесла в постмодерн дух европейского Просвещения, но и абсолютизировала Знание, придав ему, и только ему, статус непогрешимости, самодостаточности и самооценности, что, на наш взгляд, чревато губительными последствиями и для самой науки.

Современный системный кризис независимо от его сущностных характеристик (глобальный, финансовый, олигархический капиталистический и т.д.) выявил реальную сложную и весьма безрадостную картину девальвации научных теорий, скудость когнитивных рамок современных социальных парадигм, неспособных осмыслить кризис, его масштабы и последствия. В силу разных причин, происходит присутствия, началу каждого века необходимый системный кризис наук, переоценка основ и базовых ценностей, отрицание «вековечных истин».

Все это заставляет нас по-новому осмыслить базовые принципы современных социальных теорий, провести ревизию доминирующих воззрений. Усиление (не предсказанное никем) роли государства, необходимость введения жестких волевых директивных мер в современной рыночной экономике, глобальность кризиса привели и к переоценке макросоциальных теорий. Неслучайно, в общественном сознании доминирует кризисная оценка развития социальных наук, которые, в силу ряда причин, не смогли спрогнозировать кризис, его параметры, социальное поле и технологии выхода из него.

Налицо кризис «гиперрассказа» (Ж. Лиотар), кризис рациональности, что, несомненно, приведет к необходимости смены парадигм в социальных теориях, к нарушению status-quo, который поневоле устраивал многих, ибо позволял в едином научном поле сосуществовать диаметрально противоположным теориям, как отражение и отображение экзистенциалистского «разорванного мышления». Вместе с тем, кризис, в этом отношении, берет поневоле на себя и функции санации, ибо в этом «тоннеле всегда виден свет» (И. Павлов), поэтому кризис в силу своего характера, глубины и продолжительности должен стать «могильщиком» устаревших социальных технологий и идей, превратив их в «научный архив», «кладбище прошлых мыслей», или хотя бы их серьезно переосмыслить.

Новая экономика и новое общество – это данность современной социальной среды, преображенная структурно и изнутри. В социологическом мире не сложилось единого мнения по поводу названия новой стадии социального развития, так, наряду с понятием «информационное

общество» используется довольно широкий спектр эпитетов: «сверхиндустриальная цивилизация» (О. Тоффлер), «технотронное общество» (З. Бжезинский) и другие. Как правило, в социологической литературе для обозначения нового общества употребляются термины, содержащие приставку «пост» - это во многом обусловлено тем, что оно (определение) находится в стадии становления, и у теоретиков в полной мере не сложился его цельный образ, позволивший бы им оперировать более содержательными понятиями. «Понятие информационного общества выглядит предпочтительнее общества постмодернистского, ибо указывает принцип, вокруг которого организовано сообщество, а не только лишь на то, за какой социальной формой оно следует, - отмечает С. Лэш¹, - Термины «постмодернити» или «поздняя модернити» представляются мне излишне аморфными, в отличие от термина «информация»². Стремление в науке выразить сущность нового информационного века вылилось в целый спектр определений. Дж. Литхайм говорит о постбуржуазном обществе, С. Алстром – постпротестантском, Г. Кан – постэкономическом, Р. Сейденберг – постисторическом, Р. Барнет вносит в этот калейдоскоп определений прагматическую нотку, предлагая термин «постнефтяное общество», понятно, что в основе всех дефиниций – понятие «постиндустриальное общество», популяризованное Д. Беллом. Общая приставка этих терминов, по мнению У. Дайзарда, отдает каким-то осенним чувством увядания, свойственным нашему веку, - ощущением конца (заканчивается определенная историческая эпоха). Это связано с «концом гиперрассказа», где текст утрачивает свой смысл, впрочем, как и все социально-экономические понятия и категории.

В своей основе данные научные теории носят скорее метафорический образный, чем строго научный системный характер и отображают лишь одну из граней новой, пока еще не интеллигибельной, социальной конструкции. Понятия «постнефтяное» (Р. Барнет), «постэкономическое» (Г. Кан) и др. также отдают «одноточностью» (термин Б. Хазанова), где теория рождается как частная, периферийная, иногда маргинальная идея, затем начинает претендовать на всеобщую «философию Цезарей и Чингисханов» (Х. Ортега-и-Гассет). Перечисленные определения, на наш взгляд, не являются полными и системными, выполняют лишь частную функцию социальной маркировки, но не раскрытия сущностных механизмов развития. Авторы более

¹ Lash S. Critique of Information / S.Lash – London: Thousands of Oars (Ca). 2002. P.1.

² Там же, P.2

склонны именовать грядущее как общество знаний, в силу обретения в новую эпоху знанием особого социального статуса. Вместе с тем, установка «не сотвори себе кумира» имеет прямое отношение и к постулату общества знания. Так, один из самых значимых теоретиков в этой области Дж. Нейсбит отмечает, что «в отличие от других природных энергий, знание не подчиняется закону сохранения энергии: его можно создать, его можно уничтожить, но главное – знание синергично, т.е. целое, как правило, больше суммы частей»³. Ему вторит небезизвестный П. Друкер, что знание стало уже сейчас базовой отраслью экономики и центральным ресурсом.

Тем не менее, констатировать реальные параметры и контуры надвигающейся эры разума нам кажется несколько преждевременным, ибо дискретность и неуловимость (прозрачность) будущего уже сегодня создают ряд новых антагонистических противоречий, еще не вполне решив «классические пережитки», как неграмотность, нищета, голод, эпидемии, экологические катастрофы. Обществоведческие разбросы и поиски новой «единственно верной» парадигмы на все времена привели, по сути, к утрате функций социального прогнозирования, отсутствию адекватной системы взаимосвязанных социальных гипотез.

Анализ, прежде всего социологический, широкой палитры актуализированных концепций, на наш взгляд, позволяет выделить два основных пути (тренда) исследований.

1. Конец фундаментальной науки, описанный еще Р. Пенроузом в книге «Новый разум императора» (1989) или Д. Хорганом в работе «Конец науки. Взгляд на ограниченность знания на закате Века Науки»⁴.
2. Попытка реконструкции общей генерализирующей теории через выделение основных структурных элементов и трендов развития.

Социологи, в целом, как правило, обосновывают необходимость концептуального осмысления общества, с выделением основных трендов развития. Так, немецкий исследователь Н. Штер выделяет следующие признаки надвигающейся новой реальности:

1. насыщение всех сфер жизни и деятельности научным знанием (аутентификация);
2. замещение других форм знания научной;
3. развитие науки в качестве непосредственной производительной силы;
4. появление специализированных направлений политической деятельности (научная и образовательная политика);
5. формирование нового сектора в экономике;

³ Нейсбит Дж. Мегатренды. М., 2003. С.22

⁴ См. Хорган Д. Конец науки? – М., 2001. С.13

6. изменение в структуре власти (дебаты о технократах);
7. трансформация основ легитимизации власти в направлении специализированного знания (эксперткратия, но вовсе «не путь интеллектуалов к классовому господству»⁵);
8. развитие знания на основе социального неравенства и социальной солидарности;
9. трансформация основных источников социальных конфликтов.

Не оспаривая в целом удачную концепцию Н. Штера, авторы хотели бы выделить свои базовые (системные) признаки новой формации.

1. Изменился стиль мышления эпохи.

Современное общество требует оригинальности, инновации, непохожести, что в корне меняет трудовые установки, стандартное, машинное сменяется единичным. Заводы сменяются проблемными лабораториями⁶.

Как отмечает российский ученый З.М. Оруджев: «объективные основы этого процесса изменения свободы заключаются в том, что уже сегодня совершается переход от индустриального к информационному обществу. Индустриальное общество больше нуждается в «коллективных способностях» индивидов, в то время как информационное общество больше нуждается в «индивидуальных способностях» даже в коллективе»⁷.

2. Превалирование знаний над капиталом.

Доминанта главного ресурса компании – интеллект ее сотрудников – экспоненциально растет. Технически грамотные, оригинально нетривиально мыслящие, склонные к инновациям сотрудники ценятся сегодня чрезвычайно высоко. Они могут работать сразу на несколько различных организаций. Вводится новая теория – «принцип анти-Питера». В соответствии со знаменитым принципом Питера, люди продвигаются по служебной иерархической лестнице до пределов своей компетентности. Согласно новому принципу анти-Питера, люди продвигаются по служебной лестнице до тех пор, пока получают от этого удовольствие. Когда удовольствие от работы исчезает, креативные работники увольняются – как правило, чтобы стать свободными агентами (что в принципе соответствует и тенденциям смены протестантской этики труда гедонистической), фрилансерами и т.д. Се-

⁵ Цитата по «Концепция «Общества знания» в современной социальной теории». РАН ИНИОН, 2010. С.44-45.

⁶ См. об этом Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. №5-6 (35) 2002.

⁷ Оруджев З.М. Способ мышления эпохи. М.: УРСС, 2009. С.361.

годняшний капитализм уже полностью освободился от унаследованного поневоле от Реформации аскетизма и приобрел способность реализовать свою власть не посредством идейного тоталитаризма и политического принуждения, а, наоборот, посредством поощрения разнообразия и полного поглощения всех новых идей и движений. Как пишет Б. Массуми, описывая логику современного технологического, научного общества, «чем разнообразнее, эксцентричнее – тем лучше. Норма утрачивает свою власть. Правильность, системность постепенно сдают позиции. И этот отказ от нормальности есть часть динамики капитализма. Это не просто освобождение, а форма господства самого капитализма. Миром перестает править дисциплинарная институциональная власть – по мере насыщения рынков ей на смену приходят власть и способность капитализма производить многообразие. Создай ассортимент – и ты найдешь нишу на рынке. Сгодятся самые странные и аффективные из замыслов – ведь они за это платят. Капитализм начинает интенсифицировать или диверсифицировать аффект, но лишь затем, чтобы извлечь сверхприбыль. Он присваивает себе аффект, чтобы увеличить потенциальный доход. <...> Капиталистическая логика производства прибавочной стоимости усваивает поле относительности, которое является также областью политической экологии, полем этического сопротивления идентичности. И этот процесс представляется очень смутным и тревожным, потому что, на мой взгляд, в динамике капиталистической власти и динамике сопротивления было своеобразное сходство»⁸.

Меняются и качественные особенности интеллектуальных работников, основными характеристиками которых являются:

- независимость от границ;
- мобильность;
- одинаковая вероятность успеха и поражения.

Глобализация приводит к невиданным доселе интеллектуальным потокам, перемещениям «креативного класса», капитала, технологий. Мобильность становится отличительной чертой интеллектуала, его „modus vivendi”. При этом, инновация требует необычных рисков, поэтому деятельность современного специалиста равновероятно нацелена на успех и поражение, что дает невиданный психологический подъем в творчестве⁹.

⁸ Brian Massumi. „Navigating Movements”, in: Hope, ed. Mari Zournazi. New York: Routledge 2002, p.224. Цит. по: Жижек С. Удары в сердце Империи? // Художественный журнал (Moscow Art Magazine). 2004. №4 (56).

⁹ См. об этом Мертон Р. Наука и социальный порядок// Личность. Культура. Общество. Т.2. Вып.2(3). М., 2000.

3. Усиление роли человеческого фактора, а значит и необратимые изменения в социальной структуре общества.

Характеризуя данный тренд, З. Бауман отмечает: «Общество, вступающее в XXI век, отличается от всех других исторических форм человеческого сосуществования. <...>. Принадлежать к «модернити» - значит быть не в силах остановиться, не говоря уж о том, чтобы стоять на месте. Принадлежать «модернити» - значит вечно опережать самого себя, находиться в состоянии постоянной трансгрессии, это значит обладать индивидуальностью, которая может существовать лишь в виде незавершенного проекта»¹⁰. О. Тоффлер также описывал «конец эпохи Меттеринха», где территория, народ и армия играли доминантную роль, соответственно и повышалась, причем линейно, роль фабричного производства и сельского хозяйства.

Сегодня в объеме ВВП развитых стран, как правило, доля сельского хозяйства сокращается до минимума. Соответственно и численность сельского населения в этих странах резко сократилась (как следствие – депопуляция). Общество будущего уже отошло в структурном отношении от норм того общества, в котором большинство до сих пор живет. Появляется описанное в западной социологии «странное общество» с принципиально иной социальной структурой, как-то появление «новых пролетариев», новой элиты (эксперты, нетократия), нового креативного класса и т.д.

4. Усиление значения творческого и снижение роли неквалифицированного труда.

Общество будущего, с точки зрения П. Друкера¹¹, охарактеризовано следующими тенденциями:

- старение населения;
- равенство между знаниями и информацией;
- минимизация сельского хозяйства;
- разрушение пенсионной системы;
- усиление иммиграции;
- минимизация ручного труда

В западной социологической мысли отмечается усиление (в том числе и интенсивное) интеллектуальных работ, увеличение сферы обслуживания, фактор командной роли, а также появление женщин (как элемент стабильности) во всех сферах общества.

¹⁰ Бауман З. Индивидуализированное общество / З.Бауман; пер. с англ. М.: Логос, 2002. С.390.

¹¹ Друкер П. «Управление в обществе будущего» - М.: Вильямс, 2007.

Важно отметить приоритет и доминанту образования, которое П. Друкер выделяет особо. Оно является основным фактором формирования социального капитала и обратной связи в социальных институтах. Примером могут служить «Города как школы»¹², в которых дети от 13-14 лет обучаются сразу на практике и там же работают без получения среднего образования (фактически они получают диплом об окончании средней школы, но практически не обучаются по стандартным программам). Также он (П. Друкер) выделяет важность повышения квалификации и углубления специализации (хотя при этом следует упомянуть и о важности специалистов-универсалов), при непрерывной системе профессионального обучения.

5. Знания сотрудников как средство производства.

Новые средства производства очень компактны и могут легко перемещаться. Интеллектуальные работники обеспечивают корпорации «капитал» в том же объеме, что и владельцы-инвесторы корпорации. Стороны зависят друг от друга в равной степени. Теперь интеллектуальные работники не собственность корпорации, а равноправные партнеры¹³.

Корпоративный рынок профессионалов весьма далек от традиционного управления кадрами. Главное отличие в том, что сотрудники выстраивают свою карьеру и несут за нее персональную ответственность. По сути, каждый сотрудник – это лидер. Проблема в том, что само существование подобного рынка опровергает традиционное представление о том, что высшее руководство «владеет» и полностью распоряжается сотрудниками компании, что в корне меняет трудовые отношения.

Опережающий рост происходит в сфере интеллектуальных технических специалистов: компьютерщиков, разработчиков компьютерных программ, аналитиков, промышленных технологов и новаторов, эти люди в равной мере, в силу характера работы, являются работниками как физического, так и умственного труда. В основе их физического труда лежат глубокие теоретические познания, которые может дать только серьезное специальное образование, что отмечалось ранее.

¹² Эпштейн М. «Плоды альтернативного просвещения» // «Вокруг Света». – М.: Вокруг Света, 2009.-2.

¹³ Елизаров А.П. «Республика ученых»: социальное пространство «невидимого общества» / Пространство и время в современной социологической теории. Под ред. Ю.Л.Качалова. М., ИС РАН, 2000

Как отмечает российский исследователь А.И. Неклесса, «XX век ознаменовался социокультурной революцией, выдвинувшей и продвинувшей в сферу практики ряд новых версий прочтения цивилизационного текста. Секуляризация, выступив как надконфессиональная форма христианского мировоззрения, создала культурную оболочку глобальных пропорций..., прямо или косвенно способствуя расцвету мультикультурности, возрождению различных религиозных и культурных кодов, обустроив т.о. пространство открытой конкуренции мировоззренческих систем»¹⁴. Вместе с тем, на этом фоне проистекают не только вышеназванные тренды социального развития, но и цивилизационные «сдвиги»: 1) глобализм, универсальность, социальная гомоморфность; 2) становление нового суверена – активной творческой личности, сообщества личностей, получивших доступ к невиданным до сих пор технологическим богатствам. И смешения (комбинация), что произойдет поневоле, могут дать совершенно неожиданные социальные конструкции и метаморфозы. Становится новая электическая культура, свободные ассоциации и гибкие структуры заменяют устоявшиеся институты, социальный транзит незавершен, постоянно изменяется, что, безусловно, потребует еще дальнейших научных (в первую очередь социологических) построений.

В рамках становящихся процессов сциентизации общества, безусловно, зреют и иные не столь рациональные тенденции. Современное общество, как бы кому-то ни хотелось, ассиметрично и дискретно, где может ужиться организация и рынок, компьютер и экономика впечатлений, порядок и хаос. И этот ряд бинарных несхожестей и составляет основную канву развития.

В этом смысле, уже постмодернизм стал, по сути, «кантовской» реакцией на метафизические и глобальные притязания разума¹⁵ (У. Бек, Т. Адорно, А. Макинтайр и даже К. Поппер). Возникает вопрос о «веке» науки или же о ее неадекватной интерпретации. Макс Борн указывал, что «попытка природы создать на этой земле мыслящее животное вполне может закончиться ничем»¹⁶. Ибо девальвация этических ценностей, эрозия вековых норм, «которые создавались... и позволяли сохранять достойный образ жизни даже во времена жесточайших войн и

¹⁴ Неклесса А.И. Эпоха Постмодерна и новый цивилизационный контекст. М.: Научный эксперт, 2008. С.18.

¹⁵ Бек У. Что такое глобализация – ответы на глобализацию. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. С.21.

¹⁶ Борн М. Моя жизнь и взгляды. – М.: Прогресс, 1973. С.39.

повсеместных опустошений»¹⁷. Дихотомия достижений науки и моральной деградации общества нередко приводит к искусственному сдерживанию развития науки, так, группа генетиков во главе с П. Бергом добровольно наложила мораторий на исследования в области генной инженерии. «Именно в силу того, - подчеркивал Р. Мертон, - что научное исследование проводится не в социальном вакууме, его последствия простираются в другие сферы ценностей и интересов. И в той мере, в какой эти последствия считаются социально нежелательными, ответственность за них возлагается на науку»¹⁸. Другая сторона этого процесса отмечается в работе известного американского социолога А. Макинтайра «После добродетели. Исследования теории морали», где прямо декларируется, что в области морали «все мы находимся в столь плачевном состоянии, что нет, по большому счету, лекарства от него... целостная субстанция морали в значительной степени фрагментирована и даже частично разрушена»¹⁹.

Как отмечает российский исследователь К.Х. Делокаров, «представляется крайне спорным отождествление рациональности человека с господствующей научной формой мышления. Человек рационален и иррационален одновременно. В постижении мира участвуют и разум, и чувства, и вера, и воля. Абсолютизация какой-то из этих форм постижения человеком себя и мира приводит к негативным последствиям»²⁰. Мы можем конкретизировать данный тезис примерами из теории, как-то средневековая Европа, современный Иран, тоталитарные режимы XX века, где гипертрофированное представление об одной или нескольких формах общественного сознания приводили к brutальным социальным экспериментам, социальному застою и маргинализации общественной жизни.

Помимо этого, знание является неотъемлемым элементом бинарной цепи «знание-незнание». Уже в произведениях Н. Кузанского, Р. Декарта, Канта, Гегеля и других постулируется диалектическая взаимообусловленность знания и незнания; соразмерность знания и незнания (Р. Декарт), вещь-в-себе (И. Кант), циклическое движение от известного к неизвестному (Гегель)²¹, здесь же «круг непотаенности»

¹⁷ Там же. С.39.

¹⁸ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. С.761.

¹⁹ Макинтайр А. После добродетели. Исследования теории морали. – М.: Академ.Проект, 2000. С.10.

²⁰ Делокаров К.Х. Является ли «общество, основанное на знаниях», новым типом общества // Концепция «общества знания» в современной социальной теории. – М., 2010. С.32.

²¹ Более подробно об этом – Новиков А.С. Научные открытия. – УРСС М., 2003. С.6-8.

(М. Хайдеггер). Известный историк Дж. Коллингвуд постулировал, что незнание есть объект и стимул поисковой деятельности, «наука начинается со знания нашего собственного незнания – не незнания всего, а незнания какой-то определенной вещи»²².

Основной причиной новой волны сциентизма и панэпистемизма, на наш взгляд, явилась утвердившаяся с 70-х годов прошлого века тенденция к росту вертикальных, иерархичных бизнес-структур. Растет количество стандартизированной продукции, даже в сфере услуг все более доминирующий статус приобретают Старбакс, Макдоналдс, Бургер-кинг и другие гиганты. Именно маргинализация мелких структур (носящая временной циклический характер) сформировала в обществе, казалось бы вполне обоснованный, ренессанс раннепозитивистских установок. Но, справедливости ради, надо отметить, что уже тогда предпринимались попытки обозначить «пределы роста» новой идеологии. Так Д. Гордон в работе «Жирный и скупой» отметил, что рационализация имеет и обратную сторону, как пример неуклонный рост менеджеров в области контроля и надзора²³. Раздаются и отдельные голоса по поводу преувеличения роли образования в экономическом развитии. Так, по мнению Б. Рула и Я. Безена, огромный эффект инвестиции в научную и образовательную сферу дают первые годы, затем эффективность капиталовложений резко снижается²⁴. Они различают в этом процессе и следующий феномен, в этих инвестициях более всех заинтересована существующая элита, для которой диплом, ученая степень и т.д. есть в том числе и средство (форма) дифференциации в обществе, консервации существующего равновесия.

Знания (впрочем, как и образование) всегда амбивалентно, оно постулированием какого-то явления «вызывает беспокойство» и, тем самым, утверждает что-то иное. Оно не может рассматриваться в метафизической оторванности от иных форм социальной деятельности. Об этом писали: И. Кант: «Мне пришлось ограничить разум, очистив место для веры», И. Тургенев о всезнающем ничего не делающем Гамлете и все делающем ничего не знающем Дон-Кихоте, Фр. Ницше, И. Иллич «Общество без школ» и т.д.

Любое знание открывает не менее широкий пласт незнания, как отмечал М. Мамардашвили, «в области знания как события и незнания

²² Коллингвуд Дж. Идея истории. Автобиография. – М., 1980. С.12.

²³ Gordon D.M. Fat and mean. The corporate squeeze of working Americans and the myth of managerial „downsizing”. NY, Free Press, 1996.

²⁴ См. об этом Rule J.B., Besen Y. The once and future information society // Theory of society. – Dordrecht. 2008 – vol.37, NY. P.317-342.

есть действующая причина»²⁵. Тем самым, усложняется процесс социального познания, социальное прогнозирование. Становление современных социальных конструкций является эволюционным (естественным) феноменом и политическим намерением. Поэтому, становление нового общества, да и любое социальное воспроизводство имеет широкий спектр измерений: политическое, культурное, научное и т.д. Поэтому, Г. Бехманн делает как бы обобщающий вывод: «Тот факт, что человеческое действие основано на знании, может рассматриваться как антропологическая константа. Социальные группы, социальные ситуации, социальные взаимодействия и социальные роли зависят от знания и опосредуются им. Отношения между индивидами основаны на знании ими друг друга. В самом деле, рассматривая общую идею знания как основание социального взаимодействия и социального порядка, мы должны осознавать, что подлинная возможность социального взаимодействия требует ситуационно-трансцендентного знания, которое развертывается индивидами, вовлеченными в социальное действие. <...> Признавая значение знания для общества и социального действия, в особенности для развитых обществ, необходимо понимать, что знание не является, как некогда полагали, универсальным ключом к постижению тайн природы и общества. В связи с этим возникает необходимость в социологической концепции знания, позволяющей дифференцировать объекты знания, содержание знания и знание как отношение»²⁶.

Список литературы:

1. Besen Y. The once and future information society // *Theory and Society*. / Y. Besen, J.B. Rule. – Dordrecht, 2008. Vol.37. P.317-342.
2. Gordon D.M. Fat and mean. The corporate squeeze of working Americans and the myth of managerial „downsizing” / D.M. Gordon. – NY: Free Press, 1996.
3. Lash S. Critique of Information / S. Lash. – London: Thousands of Oars (Ca), 2002. P.1.
4. Massumi B. Navigating Movements, in: Hope, ed. Mari Zournazi / B. Massumi. – New York: Routledge 2002. P.224.
5. Бауман З. Индивидуализированное общество / З.Бауман; пер. с англ. М.: Логос, 2002. С.390.
6. Бек У. Что такое глобализация – ответы на глобализацию / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. С.21.

²⁵ Мамардашвили М.К. К пространственно-временной феноменологии событий знания // *Вопросы философии*, 1994. №1. С.75.

²⁶ Бехманн Г. Общество знания – трансформация современных обществ // *Концепция «общества знания» в современной социальной теории*. М., ИНИОН РАН, 2010. С.62-63.

7. Бехманн Г. Общество знания – трансформация современных обществ // Концепция «общества знания» в современной социальной теории / Г. Бехманн. М., ИНИОН РАН, 2010. С.62-63.
8. Борн М. Моя жизнь и взгляды / М. Борн. – М.: Прогресс, 1973. С.39.
9. Делокаров К.Х. Является ли «общество, основанное на знаниях», новым типом общества // Концепция «общества знания» в современной социальной теории / К.Х. Делокаров. – М., 2010. С.32.
10. Друкер П. «Управление в обществе будущего» / П. Друкер. – М.: Вильямс, 2007.
11. Елизаров А.П. «Республика ученых»: социальное пространство «невидимого общества» / Пространство и время в современной социологической теории. Под ред. Ю.Л.Качалова / А.П. Елизаров. – М.: ИС РАН, 2000.
12. Жижек С. Удары в сердце Империи? // Художественный журнал (Moscow Art Magazine) / С. Жижек. – М., 2004. №4 (56).
13. Коллингвуд Дж. Идея истории. Автобиография / Дж. Коллингвуд. – М., 1980. С.12.
14. Концепция «Общества знания» в современной социальной теории. – М.: РАН ИНИОН, 2010. С.44-45.
15. Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос / Б. Латур. – М., 2002. №5-6 (35).
16. Макинтайр А. После добродетели. Исследования теории морали / А. Макинтайр. – М.: Академ.Проект, 2000. С.10.
17. Мамардашвили М.К. К пространственно-временной феноменологии событий знания // Вопросы философии / М.К. Мамардашвили. – М., 1994. №1. С.75.
18. Мертон Р. Наука и социальный порядок // Личность. Культура. Общество. Т.2. Вып.2(3) / Р. Мертон. – М., 2000.
19. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – М., 2006. С.761.
20. Нейсбит Дж. Мегатренды / Дж. Нейсбит. – М., 2003. С.22.
21. Неклесса А.И. Эпоха Постмодерна и новый цивилизационный контекст / А.И. Неклесса. – М.: Научный эксперт, 2008. С.18.
22. Новиков А.С. Научные открытия / А.С. Новиков. – М.: УРСС, 2003. С.6-8.
23. Оруджев З.М. Способ мышления эпохи / З.М. Оруджев. – М.: УРСС, 2009. С.361.
24. Хорган Д. Конец науки? / Д. Хорган. – М., 2001. С.13
25. Эпштейн М. «Плоды альтернативного просвещения» // «Вокруг Света» / М. Эпштейн. – М.: Вокруг Света, 2009. №2.

Socio Cultural Factors in Establishment of the Knowledge Society

Summary: This work is devoted to fundamental trends in establishment of new society - knowledge society. Romanticism of 70s-80s in relation to the knowledge society, its possibilities and perspectives unwillingly changes by cognition on social changes, contradictions and dangers of the new society. Hypertrophied emphasis of one part of the society knowledge form, specially science, at the expense of others, in the field of moral, religion, culture and so on, leads to serious social cataclysm whereas they are of very complex form.

Key words: knowledge, crises, postindustrial civilization, social trends, intellectual worker

Социокултурни фактори успостављања друштва знања

Сажетак: Рад је посвећен основним трендовима успостављања новог друштва – друштва знања. Романтизам 70-80-тих година у односу ка друштву знања, његовим могућностима и перспективама нерадо се смењује сазнањем о социјалним променама, противречностима и опасностима новог друштва. Хипертрофирано наглашавање једног дела форме друштвеног сазнања, а посебно науке, на уштрб других, у области морала, религије, културе и тд. води ка озбиљним социјалним катаклизмама, при чему су оне веома сложеног карактера.

Кључне речи: знање, криза, постиндустријска цивилизација, социјални трендови, интелектуални радник